

Таким образом, текст Достоевского вполне может быть внедрен в мир ролевой игры, однако при правильном и внимательном отношении к нему надо быть готовыми к тому, что он определенным способом перестроит пространство игры и в чем-то обогатит восприятие текста, предложенного игрокам — как произошло в данном случае с романом братьев Стругацких «Трудно быть богом».

¹ Оговоримся, что не любой, произвольно взятый, текст может оказаться концептуальным для любого сюжета игры. Такое возможно, только если между текстом и сюжетом игры есть нечто общее. Связь «Трудно быть богом» и «Великого инквизитора» не лежит на поверхности, но благодаря общей проблематике их удалось сопоставить перед игрой.

² Сопоставлению Стругацких и Достоевского посвящена, например, статья М. Амусина «Избирательное сходство. Достоевский в мирах братьев Стругацких» («Новый мир», 2010. № 9), но в ней не идет речь о «Трудно быть богом». URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2010/9/am12.html.

³ Здесь и далее цит. по: Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н. Трудно быть богом; Понедельник начинается в субботу Пикник на обочине; За миллиард лет до конца света. М.: АСТ, 2005. С. 141.

⁴ Ibid. С. 53.

⁵ Ibid. С. 37.

⁶ Ibid. С. 66–67.

⁷ Ibid. С. 119.

ВАМПИРЫ ДОСТОЕВСКОГО

Д. Д. Шарапова

аспирантка филологического факультета,
преподаватель Школы юного филолога,
darimasharapowa@gmail.com, 8-985-492-21-57

Аннотация. Статья посвящена одному из мотивов готического романа, а именно — вампиризму, нашедшему отражение в романе Ф. М. Достоевского «Бесы». Ставрогин и Кириллов рассматриваются как герои, несущие в своих характерах, внешности, мировоззрении и поведении черты вампира или демона.

Ключевые слова: Достоевский; готический роман; вампиризм; «Бесы»; демонизм.

DOSTOEVSKY'S VAMPIRES

Darima Sharapova

Postgraduate student, Teacher, School of Young Philologist MSU,
Leninskie gory, b. 1/5, 1 darimasharapowa@gmail.com

Abstract. This article is devoted to one of the Gothic motifs, the vampire motif, connected with Dostoevsky's "The Possessed". Stavrogin and Kirilloff are regarded as heroes having appearance, ideology and behavior traits of a vampire or a demon in their nature.

Key words: Dostoevsky; Gothic novel; vampires; "The Possessed"; demons.

Достаточно известным фактом является увлечение Достоевского отдельными авторами готического романа, среди которых Анна Радклиф, Чарльз Мэтьюрин, Эдгар По. Многие мотивы готики находят свое отражение в творчестве русского писателя: именно готическому роману Достоевский обязан привидениями, населяющими его романы, и темными домами с запутанной архитектурой (ср. дом Рогожина¹), в которых, как в готических замках, обитают готические злодеи и демоны.

Уже само название романа «Бесы» говорит о том, что мотивы готического злодея и демона найдут свое отражение в произведении; однако помимо них мы видим также и воплощение мотива вампиризма в тексте. Мотив вампиризма теснейше связан с мотивом готического злодея; вампир же, наряду с демоном — один из вариантов воплощения образа готического злодея, одного из двух основных готических элементов (вторым является замок или готическое пространство). Здесь же следует уточнить, что в данной статье речь будет идти о вампирах не столько фольклорных, сколько литературных; мы будем вести речь о героях-вампирах «Кармиллы» Шеридана Ле Фаню, «Вампира» Джона Уильяма Полидори и одноименном же рассказе Джорджа Байрона, «Варни Вампира» Джеймса Раймера и Томаса Преста и, наконец, вампирских произведениях Алексея Константиновича Толстого.

Напомним, что вампир — это мифический кровососущий монстр, убивающий людей путем лишения их крови. Согласно фольклорным верованиям, вампир должен быть румян, а не бледен, в отличие от литературного вампира-аристократа; происхождение же фольклорного вампира более вариативно, нежели литературного — так, вампиром, согласно верованиям, мог стать самоубийца, умершая ведьма, человек, укушенный другим вампиром. Литература же признает лишь последних.

Вампиры литературные ведут свое начало от «Вампира» Полидори. Авторство Полидори спорно, поскольку, по сути дела, он, будучи личным врачом Байрона, записал рассказ своего пациента 1816 года, из-за чего последний был крайне недоволен и издал этот рассказ уже самостоятельно в 1819 году. Следующим заметным вампирским произведением был многосерийный, как бы сейчас сказали, роман «Вампир Варни» Джеймса Раймера и Томаса Преста², публиковавшийся

в лондонском журнале маленькими главками в 1845–1847 годах. Роман привнес новые особенности в образ вампира, сочетая их с уже традиционными: как и вампир Полидори-Байрона, сэр Варни элегантен, аристократичен, таинственен и притягателен для противоположного пола. Вампир Варни имеет слабость к красивым женщинам, он обходителен и вежлив, но вместе с тем и ужасен, монстрообразен и звероподобен. Вампир днем в обществе и вампир ночью наедине с жертвой или преследователями — два разных существа, и в первом случае это аристократ, в котором есть что-то пугающее и таинственное, то ночью это неистовый зверь с неудержимой силой.

В 1871 году выходит новелла Шеридана Ле Фаню «Кармила», введшая впервые в круг литературных вампиров-мужчин вампира-девушку, томную, застенчивую и страстную, перед обаянием и миловидностью которой не мог устоять ни один человек. Надо сказать, что Кармила не была оригинальна в своих предпочтениях — ее, как и Ратвена и Варни, привлекали молоденькие девушки в качестве жертв.

Дальнейшее развитие жанра романов о вампирах нас не должно интересовать, поскольку мы ограничены временными рамками создания романа «Бесы». Подводя промежуточные итоги, мы формулируем следующие положения:

- 1) вампир питает слабость к хорошеньким женщинам, особенно им нравятся молоденькие девушки;
- 2) вампир аристократичен и красив; вместе с этим, в нем есть нечто отталкивающее, отвратительное, пугающее и яростно-зверское;
- 3) вампиром может стать укушенный другим вампиром человек³; впрочем, вампиром могут стать и самоубийца, некрещенный младенец, ведьма.

На демоническую природу Ставрогина Достоевский указывает двумя очень важными штрихами, которыми мы не можем пренебрегать. Во-первых, в черновых записях Достоевский определяет его и вовсе как Мельмота⁴, героя готического романа Чарльза Мэтьюрина («Губернаторша считает его за Мельмота» [2, 11; 126]⁵), одной из ипостасей которого, по мнению исследовательницы Линды Бауэр-Беренбаум, является как раз вампир [1; 99]. Во-вторых, гораздо более прямым и однозначным указанием на вампирскую природу Ставрогина является следующий эпизод: Лиза говорит Ставрогину о том, что одна из дам зовет его кровопийцей: «И это Ставрогин, *«Кровопийца»*⁶ Ставрогин», как называет вас здесь одна дама, которая в вас влюблена!» [2, 10; 401].

Сходство Ставрогина с вампиром вовсе не случайно и заключается, прежде всего, во внешних проявлениях. Так, его портрет удивительно похож на портреты вампиров Байрона, Полидори и Преста:

белизна лица, необычайное спокойствие, правильность и аристократичность черт, красота, которая одновременно с этим и отталкивающая до некоторого омерзения (ср. портрет Варни: «Это был высокий худощавый мужчина — таких обычно называют долговязыми — но в нем чувствовалась сила. <...> Тем не менее в нем было что-то отталкивающее — какая-то черта, которую я не могу определить или описать. В диких и странных глазах пылал огонь решимости, и весь его вид казался мне *зловещим и неприятным до крайности*» [4; 320]). Наконец, необычайная физическая сила — все это роднит главного героя «Бесов» с вампирами («Это был очень красивый молодой человек, лет двадцати пяти, и, признаюсь, поразил меня. <...> Одних особенно прельщало, что на душе его есть, может быть, какая-нибудь *роковая тайна*; другим положительно нравилось, что он *убийца*. <...> Поразило меня тоже его лицо: волосы его были что-то уж очень черны, светлые глаза его что-то уж очень спокойны и ясны, цвет лица что-то уж очень нежен и бел, румянец что-то уж слишком ярок и чист, зубы как жемчужины, губы как коралловые, — *казалось бы, писанный красавец, а в то же время как будто и отвратителен*. Говорили, что лицо его напоминает маску; впрочем, многое говорили, между прочим, и о чрезвычайной *телесной его силе*» [2, 10; 37]).

Помимо этого, Ставрогин напоминает вампиров и характером: под маской спокойствия и бесстрастия таится яростная энергия, а эгоизм, выражающийся у упырей в убийстве людей ради питания их кровью, у героя Достоевского проявляется в абсолютно бессмысленных поступках, влекущих гибель окружающих. Это касается не только соращения Матрешки, но и упомянутых в романе вскользь дуэлей и задавленных рысиками несчастных. Не так важно, к слову, правдивы ли слухи, окружающие вампира — для готического романа в целом гораздо более важно то, какая репутация у готического злодея или замка, а не реальные события, с ними связанные. Кстати, здесь же стоит вспомнить и безобразный поступок нашего кровопийцы по отношению к Ивану Осиповичу: Ставрогин кусает за ухо своего родственника: «Старичок вдруг почувствовал, что Nicolas, вместо того чтобы прошептать ему какой-нибудь интересный секрет, вдруг прихватил зубами и довольно крепко стиснул в них верхнюю часть его уха. Он задрожал, и дух его прервался» [2, 10; 43]. Заметим, что этот укус несет в себе определенное значение как символ вампирской природы Ставрогина: в дальнейшем нам встретится еще два укуса и упоминание тех, кто «...делают классические выстрелы или кусаются» [2, 10; 324] в страстном монологе Петрушки, но об этом — позже; пока что же напомним лишь о том, что Ставрогин, согласно врачебному заключению, укусил Ивана Осиповича в приступе белой горячки.

Вампир по определению и сути эгоистичен, поскольку ради своего недосуществования (недаром часто их называют немертвыми) он готов убивать и пить кровь не просто живых людей, но еще и предпочитает молодых и красивых юношей и девушек, желательно невинных и порядочных. Ставрогин тоже предпочитает общаться, губя, с людьми явно не преклонного возраста. Эгоизм ему присущ, поскольку в своих поисках он не щадит никого, и интересы других людей интересуют его в последнюю очередь (Матреша, Хромоножка, Мария Шатова). Таким образом, возможно рассматривать Ставрогина как вампира не только с точки зрения внешнего сходства, но и с позиций обзора внутреннего мира и характера. Не стоит забывать и то, что вампир считается умершим перед Богом, поскольку не может больше появляться в солнечные дни на улице из-за своего преступления – убийства человека ради крови. Ставрогин же умирает для Бога после соблазнения Матрешки, и именно это событие, судя по всему, становится его окончательной гибелью.

Здесь же позволим себе два небольших замечания насчет поведения Николая Всеволодовича в период, когда он около недели не принимал никого после шатовской пощечины. Во-первых, с матерью Николай Всеволодович виделся исключительно «...один раз на дню и непременно в сумерки, когда уже становилось темно, а огня еще не подавали» [2, 10; 173]. Во-вторых, даже сон Ставрогина выглядит странно в глазах матери: «...он так скоро заснул и что может так спать, так прямо сидя и так неподвижно; даже дыхания почти нельзя было заметить. Лицо было бледное и суровое, но совсем как бы застывшее, недвижимое; брови немного сдвинуты и нахмурены; решительно, он походил на бездушную восковую фигуру. <...> Проспал он долго, более часу, и всё в таком же оцепенении; ни один мускул лица его не двинулся, ни малейшего движения во всем теле не выказалось; брови были всё так же сурово сдвинуты. Если бы Варвара Петровна осталась еще на три минуты, то, наверно бы, не вынесла подавляющего ощущения этой *летаргической* неподвижности и разбудила его. Но он вдруг сам открыл глаза и, по-прежнему не шевелясь, просидел еще минут десять, как бы упорно и любопытно всматриваясь в какой-то поразивший его предмет в углу комнаты, хотя там ничего не было ни нового, ни особенного» [2, 10; 182]. Иными словами, Достоевский поведением Ставрогина дополняет уже имеющийся образ внешний, напоминающий о вампире, соответствующим поведением.

Как и вампир, Ставрогин заражает своей болезнью окружающих. Верховенский, Шатов и Кириллов — жертвы, «укушенные» идеями Ставрогина. Что же касается женщин Николая Всеволодовича, то практически все они (кроме Даши Шатовой) умирают из-за отноше-

ний с ним: Лизу побивают камнями из-за того, что она «ставрогинская», Хромоножка погибает вследствие интриг, которые вились вокруг князя, а Матреша вешается после своего грехопадения. Кстати, интересно, что в конце концов Ставрогин прибегнет к точно такому же способу сводить счеты с жизнью, как и его жертва Матреша. Касательно же смерти Марьи Шатовой можно сказать, что она погибает вследствие несчастного стечения обстоятельств, равно как и ее со Ставрогиным общий ребенок, единственный из детей Ставрогина, о существовании которого мы знаем — и здесь же следует вспомнить о том, что, согласно поверьям, вампиры не могут дать жизнеспособного потомства.

Наиболее интересна связь Матрешы и Ставрогина, поскольку свою жизнь они закончили одинаково.

Можно сказать, что соблазнение Матрешы — это аллегория убийства, укус вампира. Сама Матреша говорит в бреду, что она «Бога убила». Вампиры тоже в своем роде убивают в себе Бога, когда соглашаются на убийство ради крови; они считаются уже не тварями Божьими и принадлежат уже не солнечному миру; отрекаясь от Бога, они обрекают себя на слабость перед ним и его эмблемами — церквями, крестом, святой водой. Тем более примечательно то, что Матреша — девочка-подросток, невинный ребенок; как мы помним, именно такие жертвы по вкусу вампирам.

Самоубийство Матрешы похоже по способу исполнения на самоубийство Ставрогина, и там, и там — повешение. Неизвестно, было ли это навеяно второму смертью первой (поскольку до сих пор неясно, как рассматривать роман — с главой «У Тихона» или без, а в конечной редакции слишком мало отсылок к первоначальному замыслу), но, даже если это так, это логично в некотором роде и объяснимо. Нашего внимания скорее заслуживает тот факт, что вампиром становился, согласно верованиям, самоубийца.

Здесь же мы возвращаемся к вопросу о кусающемся. Эпизодически в романе фигурирует некий кусающийся подпоручик, ставший известным в обществе из-за следующей истории: «В уезде (в том самом, в котором пировал недавно Петр Степанович) один подпоручик подвергся словесному выговору своего ближайшего командира. <...> Он (подпоручик — *Д. III.*) не вынес выговора и вдруг бросился на командира с каким-то неожиданным взвизгом, удивившим всю роту, как-то дико наклонив голову; ударил и изо всей силы *укусил его в плечо*; насилию могли оттащить. Сомнения не было, что сошел с ума, по крайней мере обнаружилось, что в последнее время он замечен был в самых невозможных странностях. Выбросил, например, из квартиры своей два хозяйские образа и один из них изрубил топо-

ром; в своей же комнате разложил на подставках, в виде трех налоев, сочинения Фохта, Мошота и Бюхнера, и пред каждым налоем зажигал восковые церковные свечи» [2, 10; 269]. Позже, в разговорах, герои приписывают подпоручику белую горячку, как и Ставрогину на момент выходки с Иваном Осиповичем: «Ну да вот инженер приезжий, был секундантом у Ставрогина, маньяк, сумасшедший; подпоручик ваш действительно только, может, в белой горячке, ну, а этот уж совсем сумасшедший, — совсем, в этом гарантирую» [2, 10; 276]. Подпоручика причисляют к списку заговорщиков: «Нам уж трое известны: Шатов, Кириллов и тот подпоручик» [2, 10; 277]. Между укусом Ставрогина и укусом безымянного подпоручика, без сомнения, есть общее: бессмысленность, неожиданность, помутнение рассудка, причем оправдание ставрогинского поступка плавно переносится и на случай подпоручика. Что же касается упоминания уезда, в котором недавно пребывал младший Верховенский, то оно дано отнюдь не просто так, а намеком на связь с изменившимся поведением кушающегося подпоручика. Иными словами, подпоручик перенимает вампирские повадки Ставрогина через Верховенского, несущего яд идей Николая Всеволодовича.

Но не один только Николай Всеволодович обладает вампирскими чертами характера. Перед самой своей смертью в вампира превращается и Кириллов, демонстрирующий не свойственные ему вспышки гнева, когда он кидается на Верховенского, и неадекватное непредсказуемое поведение в целом. Впрочем, и до последней своей ночи Кириллов демонстрировал некоторую причастность к вампирам: его ночной образ жизни и загадочный рацион питания, состоящий целиком из чая (как мы помним, вампиры не едят обычную пищу).

Эпизод предсмертной борьбы Кириллова с Петрушей очень напоминает эпизоды погони за вампирами из соответствующих книг: в темном здании ночью в пустом доме обезумевший вампир таится по углам и готов напасть на героя в любой момент. К слову, перед самым выстрелом Кириллов прокусывает Верховенскому палец. Кириллов ведет себя как зверь, бросаясь на Верховенского: «Долго стоял он в нерешимости со свечой в руке. В ту секунду, как отворял, он очень мало мог разглядеть, но, однако, мелькнуло лицо Кириллова, стоявшего в глубине комнаты у окна, и *зверская* ярость, с которою тот вдруг к нему кинулся» [2, 10; 474].

По сравнению со всегдашним спокойствием Кириллова, эта вспышка гнева — неожиданное и странное явление. Вампиры, как правило, тоже обычно спокойны, замкнуты, апатичны, некоторые даже застенчивы («Кармила» Шеридана Ле Фаню). Оттого-то и пугающие вспышки гнева и ярости, часто немотивированные с точки зрения

окружающих и подпитываемые ими одними известными причинами. Переход от ярости к спокойствию и наоборот всегда стремителен, без плавности, как буря в абсолютно безмятежном море. И вместе с тем это именно звериная ярость, нечеловеческая, из-за чего складывается ощущение, что существа в вампире два — аристократичный джентльмен или благовоспитанная девица и яростный зверь. Отметим, что Кириллов заревел и бросился по непонятной никому причине — в дальнейшем об этом будет гадать Верховенский, не помешал ли он Кириллову в самый последний миг перед самоубийством.

Продолжим тем, что поведение Кириллова в последней (для него) сцене вообще весьма странно и непредсказуемо: «С правой стороны этого шкафа, в углу, образованном стеною и шкафом, стоял Кириллов, и стоял ужасно странно, — неподвижно, вытянувшись, протянув руки по швам, приподняв голову и *плотно прижавшись затылком к стене*, в самом углу, казалось желая весь стушеваться и спрятаться. По всем признакам, он прятался, но как-то нельзя было поверить. <...> Его (Верховенского — Д.Ш.), главное, поразило то, что фигура, несмотря на крик и на бешеный наскок его, даже не двинулась, не шевельнулась ни одним своим членом — точно окаменевшая или восковая. Бледность лица ее была *неестественная*, черные глаза совсем неподвижны и глядели в какую-то точку в пространстве. <...> *Тут пришла ему мысль поднести огонь прямо к лицу «этого мерзавца», поджечь и посмотреть, что тот сделает»* [2, 10; 475].

Поза и поведение Кириллова во время этой сцены ассоциируются с вампиром в гробу (вертикально расположенном), описание же внешности (бледность и устремленность в одну точку глаз) прямо отсылает к этому образу.

Интересна мысль именно поджечь Кириллова, пришедшая на ум Верховенскому — не выстрелить, не окликнуть, а именно поджечь. Напомним, согласно поверьям, вампира можно сжечь, чтобы он не возродился. Все, связанное с вампиризмом в целом, скорее холодное по температуре и цветовой гамме, чем теплое: ночь, пустые помещения, кладбища, склепы, темнота. Красное и теплое — кровь — скорее исключение в этой холодной картине. Почти все эти краски представлены в сцене самоубийства Кириллова: событие происходит ночью, в его пустом уже доме (Шатов погиб), в темноте (свеча только у Верховенского и в некоторый момент ее выбивает из рук Кириллов). Нельзя сказать, что это относится только к вампирской готике, скорее к готике любой, но такой набор (темнота, ночь, пустота, огонь, ярость, укус) присущ именно для вампира.

Укус же, эмблема вампиризма, появляется лишь перед самым самоубийством: «Затем произошло нечто до того безобразное и быстрое,

что Петр Степанович никак не мог потом уладить свои воспоминания в каком-нибудь порядке. Едва он дотронулся до Кириллова, как тот быстро нагнул голову и головой же выбил из рук его свечку; подсвечник полетел со звоном на пол, и свеча потухла. В то же мгновение он почувствовал ужасную боль в мизинце своей левой руки. Он закричал, и ему припомнилось только, что он вне себя три раза изо всей силы ударил револьвером по голове припавшего к нему и укусившего ему палец Кириллова. Наконец палец он вырвал и сломя голову бросился бежать из дому, отыскивая в темноте дорогу» [2, 10; 476].

Мы можем увидеть определенные параллели между укусами Кириллова, Ставрогина и безымянного поручика: все они совершены в состоянии, далеком от уравновешенного, все они относятся к людям, состоящим в некой идейно-пищевой цепочке, базирующейся на «отравленной» идее, где Ставрогин — главный вампир, Кириллов — последующее за ним звено, подпоручик же стоит на третьей ступени, сразу после Кириллова. Немаловажно и то, что в цепочку входит Верховенский — как в качестве жертвы, так и в качестве переносчика ставрогинского яда, на одном уровне с Кирилловым, поскольку вина за безумие подпоручика, судя по всему, лежит и на Петре Степановиче. Заметим и характерный жест, сопровождающий укусы Кириллова и подпоручика — неестественный, странный наклон головы: «<...> вдруг бросился на командира с каким-то неожиданным взвизгом, удивившим всю роту, как-то дико наклонив голову; ударил и изо всей силы укусил его в плечо; насилу могли оттащить» [2, 10; 269]. «Едва он дотронулся до Кириллова, как тот быстро нагнул голову и головой же выбил из рук его свечку; подсвечник полетел со звоном на пол, и свеча потухла» [2, 10; 476]. Можно считать Кириллова таким же вампиром, как и Ставрогина. Можно даже сказать больше: Кириллов был «укушен» идеей Ставрогина, как и Верховенский, был превращен им в вампира, и этим предсмертным укусом Кириллов символически возвращает Верховенскому тот яд, которым его отравил Ставрогин много лет назад.

В заключение скажем, что образ кровопийцы, вампира для Достоевского — это важный способ подчеркнуть демоничность и бесовство героев романа. И если в случае со Ставрогиным это достаточно ожидаемо, то в случае с Кирилловым открывает новые грани этого характера, напоминая, что, каким бы спокойным он ни казался нам, и какие бы симпатии мы ни питали к нему, он все равно является одним из «бесов». Вампир для Достоевского — не просто художественный образ, связанный с определенными литературными штампами, унаследованный от готической традиции, а, скорее, образ-идея, образ-эмблема, наделенная глубоким философским значением. От чи-

сто внешних и сюжетных параллелей с литературными вампирами Достоевский переходит к параллелям гораздо более глубоким и уже отнюдь не столь поверхностным, касающимся скрытых механизмов характера и особенностей внутреннего мира героев. К примеру, эгоизм Ставрогина воспринимается несколько иначе, будучи рассматриваемым как часть вампирского характера, а разрушительные идеи Николая Всеволодовича приобретают определенную дьявольскую и демоническую окраску, если сравнивать их с вампирским ядом, превращающим жертв кровопийц в тех, кто подобен их мучителям.

Список литературы

1. *Bayer-Berenbaum L.* «The Gothic imagination: Expansion in Gothic literature and art», London, Rutherford etc., Toronto: Association university presses, Fairleigh Dickinson university press, 1982. 155 p.

2. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. в 30 тт., Л.: 1972. Далее ссылки на это издание даются в тексте: в квадратных скобках после цитаты указываются том, страница.

3. *Прест Т.* «Варни-вампир» / Т. Прест, Д. Раймер, М.: РИПОЛ классик, 2001, 411 с.

¹ Подробнее в статье *О.А. Дехановой* «Тот самый дом», «Дом Рогожина» // Достоевский и мировая культура, 1997. № 9. С. 233–241.

² Впрочем, авторство «Вампира Варни» до сих пор точно не установлено, из-за чего различные издания данного романа выходят либо под именем Преста, либо под именем Раймера, либо указываются оба предполагаемых автора.

³ В вышеуказанных произведениях вопрос возникновения вампиров несколько туманен, поскольку чаще укушенные жертвы умирают и вампирами не становятся.

⁴ Подробнее о связи Мельмота с творчеством Достоевского в статье *Ёлиной Ю.С.* «Мельмот Скиталец» Ч.Р. Метьюрина и творчество Ф.М. Достоевского / *Ю.С. Ёлинина* // Вестник Московского Университета. Серия 9. Филология, 2011. №2. С. 80–88.

⁵ Вот что о Мельмоте пишет исследователь готики Линда Байер-Беренбаум: «In the characteristic Gothic inclusion, Melmoth partakes of a god, a Christ, an Adam, a Cain, a vampire, and a devil» [1; 99]. Действительно, умение Мельмота перемещаться мгновенно в пространстве, сказочное долголетие, умение видеть сквозь стены отсылают нас ко многим фигурам, в том числе и к вампирам.

⁶ Здесь и далее курсив мой – *Д.Ш.*